

МК, - 2000, - 18 марта, - с. 2

ВИКТОР АВИЛОВ:

"Туберкулеза я испугался не больше, чем насморка"

ше, а контингент наших войск — намного больше по количеству. А у нас возле пивбара "Пакушка" все было наоборот: их — человек пятнадцать, а нас — трое.

— В детстве у вас не было "комплекса некрасивого мальчика"?

— Был, ага. Мне с детства на девочек не везло — рыжий, никому не нужный. И дразили меня "рыжим". Не то чтоб я сильно переживал, но немножко, конечно, задевало, немножко скребло. А потом как-то само собой скрести перестало. Мне все это стало до лампочки.

— Сейчас женщинам нравится ваша внешность?

— Не знаю. Как в фильме каком-то: "Бабушка меня любит". Мне многие говорят: на скандинава похож. А по-моему — совсем не похож. Был я в Финляндии — я там белая ворона. Такого цвета волос, как у меня, нет в Финляндии. И таких морд — тоже нету. Они все больше на мышей похожи. А я сначала был просто огненно-рыжий. Потом, когда из армии вернулся, "Блондораном" баловался — осветлялся. И цвет волос начал меняться: он стал русый, а потом — уже пшеничный, краснота вся ушла.

— Вы женаты?

— Ага, третий раз. Бог любит троицу. (Весело.)

— Я так понимаю, человек вы увлекающийся?

(Он резко мрачнеет, делает первую паузу и отвечает глухо.)

— Да.

— Ваша вторая жена по-прежнему работает здесь же в театре?

(Оживляется.)

— Конечно! Галочка. Скоро она придет.

— Вы умеете сохранять хорошие отношения после расставания?

-Месяц назад я прочла ваше короткое интервью. Вы говорили: "В театре мне сказали: "Гуляй, Витя". Как это понимать? Вас выставили за дверь, а теперь взяли обратно?"

— Вы неправильно поняли. Я же очень долго лежал в больнице, и сейчас я — инвалид второй группы. А вторая группа — неработающая, то есть по закону театр просто не имеет права держать меня в штате. Поэтому отдел кадров вынужден был отдать мне трудовую книжку на руки. Вот я и пошутил: "Гуляй, Витя, жуй опилки". Это не значит, что меня выгнали. Я теперь работаю на договоре. Хотя вообще-то не имею права работать нигде.

— Я хочу задать вопрос, который может не понравиться. Про вашу болезнь.

— Ну и че?

Он смотрит исподлобья. Напряженно? Нет, вроде миролюбиво. Это значит — зеленый свет.

— Ваш главреж, Валерий Белякович, сказал одному журналисту такую фразу: "Сейчас вот — трагедия с Авиловым. Он заболел туберкулезом, который подхватил неизвестно где". Вы можете сказать, где же все-таки вы его подхватили? Ведь достаточно редкая болезнь для наших дней.

— Редкая?! Здрасьте! Да это беда всей России! Я лежал в Центре борьбы с туберкулезом в Сокольниках, а там-то информация более чем подробная. Так вот: клиники сейчас битком забиты больными туберкулезом. На сегодняшний день это довольно серьезная проблема в стране. Последние несколько лет эта болезнь всколыхнулась очень здорово.

— А вы поняли, как заразились?

— Это болезнь, которая сначала совершенно незаметна, она очень долго развивается, прежде чем выйти наружу. Так что установить, когда и от кого ты схватил эту чертову палочку Коха, практически невозможно. А где? Я могу сказать где: в автобусе, в троллейбусе, в метро. В любом помещении! Бывает, что человек носит эту палочку, а она у него не проявляется. Но других уже заражает.

— Как вы приняли известие, что больны? Что это было для вас: отчаяние, шок, депрессия?

— Ничего для меня это не было. Я не впал ни в какую депрессию и совершенно не испугался. Как насморк. Я испугался не больше, чем насморка.

— Вы лукавите. Как для певца самое страшное — потерять голос, наверняка так же для актера — потерять сцену.

— А я ничего не потерял. Я же говорю: я вообще к любой болезни отношусь спокойно, у меня натура такая. Ну, заболел. Ну, поболел и выздоровел — да и все.

— Как вы прожили эти семнадцать месяцев?

— Хорошо! (Он смеется, как подросток. Отрывисто, басисто и наивно. Такой большой человек, а смеется, как мальчишка!) Может, это прозвучит парадоксально, но мне даже понравилось в больнице лежать. Я там девять месяцев провел — как раз родить можно. Первое время, пока эта палка Коха была опасна, меня не выпускали совсем. Я четыре месяца каждое утро лежал под капельницей — плюс таблетки всякие кушал. Процедуры принимал, уколы в попу. Потом, когда анализы показали, что эта гадость — палка — у меня убита, я совершенно официально, с разрешения врача, каждую пятницу после утреннего обхода ехал домой. И выходные проводил дома. А в понедельник рано утром мне нужно было быть в палате.

— В больнице время тянется раза в три дольше, наверное?

— Когда лежишь там долго, уже складывается коллектив, ребята все свои. А туда ведь все попадают надолго: уж если положили, то на полгода, на год. За больницей — большой сад, там теннисный стол стоит, летом можно играть в домино, в шахматы. Телевизор есть, книги мне привозили постоянно. Я перечитал их дикое количество. Даже девочки — поклонницы нашего театра — приезжали навещать. И кормежка там прекрасная была. Ну, в общем, курорт! Я там очень хорошо отдохнул.

— И что, не было голода по сцене?

— Не-а. Честно скажу, что за двадцать с лишним лет работы я сильно устал. Причем усталость эта не "одноразовая", а накопившаяся годами. Может, не очень хорошо так говорить — но, наверное, даже вовремя мне Господь послал такой "отдых". Я набрал сил — и моральных, и творческих.

— Когда человек выпадает из привычного ритма жизни и оказывается в изоляции, ему частенько мысли всякие в голову приходят — переосмысления, открытия и все такое. Вы что-то открыли для себя?

— Да. Театр-дом, театр-съемки — это один пласт жизни, в котором я существовал. А там — совсем другая жизнь, все по-другому. Я увидел, что совсем рядом существует нечто иное, но мы этого не видим. А я — увидел.

— Что это — другое?

— Много смертей увидел. Очень много. До этого за все свои 46 лет я не видел их столько, сколько там — за девять месяцев. Туберкулез — не такая опасная болезнь, туберкулезники не мрут. Они до 90 лет кряхтят. Но с нами в одном отделении лежали больные туберкулезным менингитом. Вот это — действительно страшная болезнь! Я день, два, месяц с кем-то общаюсь, а потом бац — и нет его. Я, может, два часа назад с ним разговаривал, а он — уже... восковой.

— К смерти можно привыкнуть?

— Можно. Если больше с ней общаться, то привыкнешь.

— А вас не начали посещать мысли о смерти?

— Кто-то из великих сказал: "Помни о смерти всегда" — "Мemento mori". Я о смерти и до того часто думал, так что больница не была для меня каким-то стимулятором в этом смысле.

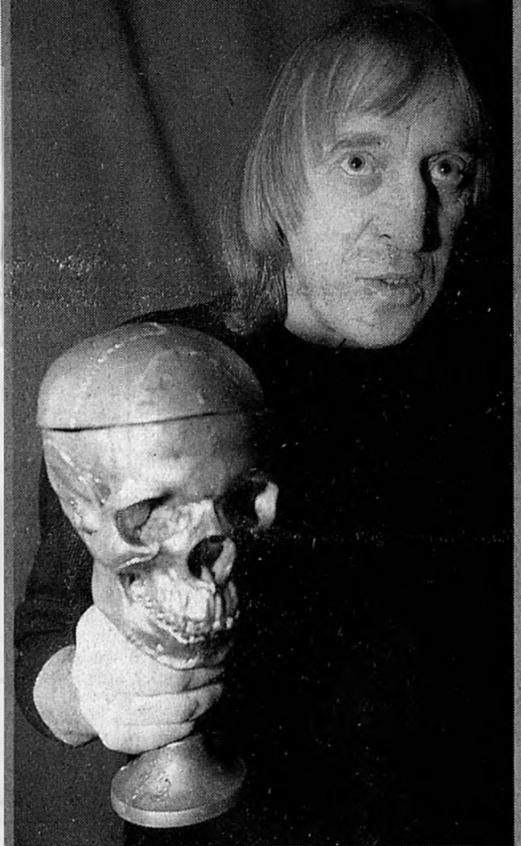
— А не было такого...

— Не было! (Хочет на свой подростковый, угловатый манер.)

— А я уверена, что было. Люди так устроены, что они боятся. Все боятся.

— Все эти раздумья о смерти бьются у меня

ЖЕРТВА КУРОРТА

КУРОРТА

Тот, кто смотрит телевизор, знает его как графа Монте-Кристо и Господина Оформителя. Тот, кто ходит в театр, знает смысл его фразы: "братъ зал за глотку". Виктор Авилов берет зал за глотку — и этим все сказано. У него удивительное лицо. Слово божество с острова Пасхи, вытесанное из твердого камня. Лицо каторжника или викинга.

Сажу в кафе Театра на Юго-Западе. "Подождите: его пока стригут, это быстро". Забавно — неужели обстригают? Ведь когда-то давно Авилов уже подстригся коротко. Друг и соратник Сергей Белякович выступил в роли цирюльника. А главный режиссер Валерий Белякович, увидев результаты его труда, издал устный — но совершенно официальный, строжайший — приказ по театру: "Авилова без моего ведома не стричь!" Так велико было потрясение от увиденного. Но надежды мои не оправдались. Его всего лишь уложили феном. Волосы — до плеч. Сегодня у Виктора Авилова первый выход в большой роли после очень долгого перерыва — это Горький, "На дне". Авилов играет Актера. Снова будет жить и умирать за него. Он не делал этого семнадцать месяцев. Он был болен.

— Я — умею.

— А женщины ваши?

(Тут он делает вторую паузу. Она перетекает в третью, четвертую, а он все молчит. И наконец — словно выталкивает из себя.)

— Жалко ее...

— Почему?

— Потому что я — сволочь. Поганая. Вот почему. Двоих девочек, двоих дочек бросить и уйти. Уйти от святого человека — от Гальки. Свинья!

(Он чеканит слова ровным, негромким голосом, но это больше похоже на рычание зверя. И смотрит куда-то внутрь себя.)

— Сколько лет дочкам?

— Старшей — девятнадцать, она уже работает. Младшей — пятнадцать. Заканчивает школу.

— Раз все-таки ушел — значит, так и должно было быть? Значит, иначе не мог?

— Легче всего на это все свалить. Вот я сейчас возьму топор, вон ему в голову вмочу и скажу: значит, так должно было быть. Этой фразой можно все оправдать. Неправильная фраза. Ушел дуру. Не от большого ума я это сделал.

— Вы не спрашивали себя: может, болезнь — это мне наказание за что-то?

— Нет, особо не задумывался. Хотя, наверное, иногда и сквозила такая мысль влекую. Может, и наказание — не знаю. Я в свое время сильно увлеклся всей этой экстрасенсорикой, мистикой. Я знаю: да, это существует. И если в это серьезно влезать и очень активно этим заниматься, ты сможешь сильно воздействовать на людей.

— Про вас говорят, что вы чуть ли не экстрасенс-целитель.

— Лечил я людей руками — было дело. От разных болезней. Вдруг мне откуда-то сверху ткнуло по голове нечто, и мне очень захотелось все это постичь. Но в те времена такие вещи преследовали и запрещали. Я начал искать контакты, и меня познакомили с экстрасенсом Владимиром Герцогом. Он научил меня основам, самым элементарным вещам — как делать пассы, как снимать боль. Я прочитал много литературы, дошел до определенного уровня. Но я не претендую на истину в последней инстанции.

— Вы верите, что роль отдает актеру часть своей энергетики?

— Конечно!

— Часто проводят параллели: мол, Шукшин умер, сыграв смерть в "Калине красной".

— Ой, а сколько я смертей играл — это же кошмар! Если попытаться посчитать — Ланцелот, Гамлет, Мольер, Искориал, Калигула, — вот уже пять. Одного только Мольера я играл 19 лет — и все эти годы на сцене умирал. Знаешь, у меня же была клиническая смерть! Меня вскрывали в Германии, во время гастролей! — язва желудка. И я два раза умер, правда, не зная об этом. Я умер уже под наркозом, на операционном столе. Первый раз хирург "запустил" меня вот так (две ладони в кулак — и удар). А когда во второй раз сердце встало, уже электрошок был на мази.

— А язва такая острая — с чего? Вы пили много, или питались плохо, или и то, и другое?

— И то, и другое. И третье, и четвертое. Все пороки, которые запрещены человеку, — все мои были.

— А сейчас как?

— Сейчас я немножко успокоился. На данный момент я совершенно отказался от всего, что содержит хоть какой-то алкоголь. Даже пиво не пью.

— Из каких соображений? Пора о здоровье подумать?

— Из одного соображения. Это можно крупными буквами написать: хватит! Сколько можно?!

— Как в анекдоте: "Не могу больше"? — Нет, почему? Я могу. Просто — хватит.

— Вы когда-нибудь задумывались, что по голливудским меркам ваша актерская судьба — это американская мечта в чистом виде? Был шофером — стал звездой.

— Я заметил, что вот ты и многие люди вокруг считают: "Ах, какая судьба! Вот это да!" А я все это воспринимаю совершенно спокойно. Какая к черту звезда! Я езжу в общественном транспорте. У меня есть шляпа — американская, с полями: спасибо другу Димке, он мне ее подарил. Надвиную ее на глаза поглубже — и пол-лица, считай, не видно. А если голову еще наклонить — то вообще никто не узнает. И в каких-то ситуациях она меня выручает — особенно после того, как "Монте-Кристо" в очередной раз покажут.

— Вот вы Воландом играете. Наверное, это единственный Воланд — блондин.

— А я, кстати, Воланд — не блондин. Я в спектакле не смотрюсь блондином — там у меня совершенно другой имидж. Я весь залитан гелем, лаком, и сзади — хвост. Волосы под гелем темнее, цвета моего совершенно нет. Остается только эта вот жуткая морда. Там у меня вот такой Воланд...

Он наклоняется, забирает руками назад волосы, резко поднимает лицо. И — глаза в глаза, в упор, не мигая. Я каменею. Я никогда не видела таких преобразований. Жаль, у меня нет камеры — только диктофон. Передо мной — другой человек. Да человек ли?

Сложно описать, что таится под этими светлыми прядями. Потому что это — шок. Это череп Мефистофеля. Глаза ясновидящего. Лицо марсианина. И оно потрясало красиво.

Теперь я понимаю, почему Белякович запретил его стричь.

абсолютно разными. То ли от настроения зависит, то ли от чего еще. В какой-то момент думаешь о ней с ужасом, на другой день — с легкостью, а то и с благоговением, а то и с желанием — скорей бы уж она прихотилась.

— Но не об этом я хотела спросить. Люди боятся не только смерти — люди боятся болезни. От вас не стали шарахаться — знакомые, может, даже близкие?

— Не все, но я видел — да, некоторые.

— Болились близко подойти?

— Ага.

— За руку поздороваться?

— Ага.

— И как вы это воспринимали?

— Честно говоря, когда я первый раз увидел это шараханье от меня — я был так удивлен, так странно мне стало! Потом я призадумался. И вывел себя, что это делают люди определенного склада. Нормальные люди не шарахаются. Тем более, я же говорю, что самое страшное — это сама палочка. Если она во мне уже давно убита, то я абсолютно не опасен.

— Но сколько людям объясняют про тот же СПИД, что не передается он бытовым путем. А все равно инфицированных ВИЧ и травят, и с работы выгоняют.

— Да, здесь примерно то же самое. Это еще с древних времен идет: прокаженный, изгой. Слава богу, не для всех. Но есть такая прослойка людей, для которых — да.

— Вы сохраняли отношения с этой "прослойкой"?

— Понимаешь, Катя, когда я все понял про этих людей, они для меня словно сами себе на лоб клеймо поставили. Они мною теперь заклеены. Я знаю, что это за люди, — это фуфло. И они не стоят моего общения. Как у Владимира Семеновича: я себе уже все доказал.

— Такая ситуация, наверное, очень хорошо разделяет настоящих людей вокруг тебя и ненастоящих.

— Да. И в этом смысле тоже можно сказать, что мне повезло. У меня появилась лакмусовая бумажка для человека. Он подает мне руку, а у него ноги трясутся. (И снова хохочет!)

— Когда вас "на волю" выпустили, небось, рвались скорей за работу?

— Нет. Да и не мог я рваться. Потому что дошел быстрым шагом до останков и уже задышался. Подумал сначала: елки-палки, да у меня не лечится этот мой... Даже доктору сказал, что у меня, наверное, не все прошло. А он мне объяснил: "Не волнуйся — не в том дело. Столько времени твои мышцы не имели нагрузки! Они отвыкли от физической деятельности. Вот начнешь побольше двигаться — и все восстановится". И действительно. Как только я вернулся "на гражданку", пришлось много бегать по Москве, и постепенно мои мышцы окрепли. Сейчас я в полном порядке. Запросто могу до метро бегом добежать.

(И он в который раз достает из пачки новую сигарету.)

— Вам курить разве не запретили?

— Курить запрещают вообще-то всем. Курить вредно. Конечно, надо по идее бросить. Но я попробовал — и такая маета начинается, еще хуже. Я же курю сорок лет! Начал — гад — очень рано. Все рассказывают про первую сигарету — как было плохо, как тошнило. У меня все было наоборот. Прямо с первого раза мне это так понравилось! А было мне тогда шесть лет, с семи я уже курил. Не дай бог мамка с отцом прочтут (хохоток) — хотя поздно уже меня ремнем охаживать. Перед четвертым классом бросил, а потом опять начал. И, кстати, начал с сигарет "Монте-Кристо".

— А то, что театральное образование у вас нету и на сцену вы попали прямо из-за баранки, — это правда?

(Брови домиком — вот-вот заплечет.)

— Не-ету! Не досталось. Вместо того чтобы протирать штаны за партой, я эти пять лет играл на сцене. Меня притащил сюда Серега Белякович, одноклассник мой, — он младший брат Романьича (режиссера Валерия Беляковича. — Авт.) И я тогда действительно шофером работал. Только часто почему-то путают и пишут, что я был таксистом. Иногда пишут — дальньюбойщиком. Сроду не был! Я ездил на грузовике, возил песок на стройки столицы. И после работы — играл в театре. А если выходил в ночную смену, то поддежал к театру, ставил машину, играл спектакль — и ехал дальше.

— У вас потрясающая внешность. Сложно найти человека, который был бы на вас похож.

— Был такой человек, и что самое интересное — актер. В каком-то фильме я его увидел, но титры прозвезал. Я был поражен: ну вылитый я! Только у меня вон нос сломан — надо будет его поправить.

— Кто ж вам его сломал? В драке?

— Да уж и не помню. Давно это было. Я тут и падал несколько раз: вот, на подбородке, — совсем свежак. Вот еще свежак. (Показывает шрамы на лице.) А это — под носом — старое, от ножа. Вот еще на руке — от ножа (Глубокий шрам ниже кисти.). Сухожилые неправильно срослось.

— Облик воина!

— С чернышками дрались, с чернышками — с кем сегодня воюют. Но сейчас их там мень-

— А сейчас как?

— Сейчас я немножко успокоился. На данный момент я совершенно отказался от всего, что содержит хоть какой-то алкоголь. Даже пиво не пью.

— Из каких соображений? Пора о здоровье подумать?

— Из одного соображения. Это можно крупными буквами написать: хватит! Сколько можно?!

— Как в анекдоте: "Не могу больше"? — Нет, почему? Я могу. Просто — хватит.

— Вы когда-нибудь задумывались, что по голливудским меркам ваша актерская судьба — это американская мечта в чистом виде? Был шофером — стал звездой.

— Я заметил, что вот ты и многие люди вокруг считают: "Ах, какая судьба! Вот это да!" А я все это воспринимаю совершенно спокойно. Какая к черту звезда! Я езжу в общественном транспорте. У меня есть шляпа — американская, с полями: спасибо другу Димке, он мне ее подарил. Надвиную ее на глаза поглубже — и пол-лица, считай, не видно. А если голову еще наклонить — то вообще никто не узнает. И в каких-то ситуациях она меня выручает — особенно после того, как "Монте-Кристо" в очередной раз покажут.

— Вот вы Воландом играете. Наверное, это единственный Воланд — блондин.

— А я, кстати, Воланд — не блондин. Я в спектакле не смотрюсь блондином — там у меня совершенно другой имидж. Я весь залитан гелем, лаком, и сзади — хвост. Волосы под гелем темнее, цвета моего совершенно нет. Остается только эта вот жуткая морда. Там у меня вот такой Воланд...

Он наклоняется, забирает руками назад волосы, резко поднимает лицо. И — глаза в глаза, в упор, не мигая. Я каменею. Я никогда не видела таких преобразований. Жаль, у меня нет камеры — только диктофон. Передо мной — другой человек. Да человек ли?

Сложно описать, что таится под этими светлыми прядями. Потому что это — шок. Это череп Мефистофеля. Глаза ясновидящего. Лицо марсианина. И оно потрясало красиво.

Теперь я понимаю, почему Белякович запретил его стричь.

Катя ПРЯНИК, Фото Михаила КОВАЛЕВА.